

Н. Русова, В. Шевцов

(«Из Пиндемонти»)

Тема свободы всегда привлекала Пушкина, но на протяжении своей творческой биографии он понимал это слово по-разному. В знаменитой юношеской оде «Вольность», написанной под воздействием одноименного радищевского стихотворения, Пушкин мечтает о политической свободе, об избавлении от ужасов «самовластья», достижимом лишь революционным преобразованием общества. Однако поэт взрослел, становился мудрее и все яснее сознавал, что истинная свобода — это не свобода от чего-то, а свобода в чем-то: «Иные, лучшие, мне дороги права...». Ценна лишь та вольность, что ведет человека к счастью, к внутренней гармонии, которую не надо путать с эгоизмом:

Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать.

Политические страсти, отвергнутые поэтом в начале стихотворения, не высвобождают внутреннего потенциала личности, а напротив, еще прочнее закабаляют человека, оставляя его суетно и бесцельно блуждать в замкнутом круге ложных идей, не стоящих и выеденного яйца: «Все это, видите ль, *слова, слова, слова*» (цитата из шекспировского «Гамлета»).

Быть свободным, по Пушкину, — значит стоять в стороне от общественных волнений, нравственно не отождествляя себя ни с одной из социальных групп («Зависеть от царя, зависеть от народа — / Не все ли нам равно?»), не тратить сил на то, чтобы оказаться как можно выше на иерархической лестнице («...для власти, для ливреи / Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи»), вольно скитаться по миру (вспомним феномен русского странничества) и наслаждаться творениями природы и искусства.

Язык стихотворения поражает своим некрикливым разнообразием, которое современники поэта часто принимали за эклектику: с «высокой» церковнославянской лексикой («от коих», «ропщу», «потребна», «пред», «божественные красоты») соседствуют самые простые, обыденные выражения («не давать отчета никому», «кружится голова», «мало горя» и т. д.) и даже просторечные элементы («морочит олухов»). Несмотря на стремление позднего Пушкина «прозаизировать» свою поэтическую манеру (это сказывается в отсутствии метафор и образительных эпитетов), он в большом количестве сохраняет традиционные синтаксические инверсии (мы их встречаем уже в двух начальных строчках), придающие стиху гибкость и текучесть. Эти качества усилены за счет многочисленных переносов. Шестистопный ямб с парной рифмовкой обогащает интонацию широтой дыхания. Примечателен финал стихотворения: незавершенная строчка говорит о принципиальной разомкнутости стиховой структуры, выходящей за пределы собственно искусства (подобную открытость финала мы найдем и в знаменитой «Осени»: «Куда ж нам плыть?..»), и в других шедеврах поздней пушкинской лирики).